

Вестник международных организаций. 2025. Т. 20. № 23. С.

Научная статья

УДК

JEL: F55

doi:10.17323/1996-7845-2025-03-01

Вертикальное взаимодействие между глобальными и региональными институтами: Многоуровневые потребности и неоднородность власти в Бреттон-Вудских институтах¹²

Чэнь Ц.

Чэнь Цзинвэн - PhD кандидат, школа международных исследований, Пекинский университет, улица Янюань, район Хайдиан, Пекин, Китай. 100871; chenjingwen@stu.pku.edu.cn

Аннотация

По мере развития глобализации, движимой общими целями развития и преодоления кризисов, регионы стали создавать новые институты, отвечающие требованиям экономического управления в рамках бреттон-вудских институтов. В данной работе основное внимание уделяется асимметрии между региональными и глобальными институтами и границам управления каждого из них, исследуются сложные взаимосвязи между региональными и глобальными институтами, такие как конкурентное сотрудничество, взаимодополняющее сотрудничество, разделенная конкуренция и иерархические институты. Неоднородность властных конфигураций в органах глобального управления в сочетании с различиями в многоуровневых потребностях глобального управления в совокупности вносят свой вклад в сложную вертикальную динамику институтов. В статье рассматриваются иерархические, конкурентно-кооперативные и кооперативные отношения между такими институтами, как Азиатский банк развития, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Европейский банк реконструкции и развития и Всемирный банк. Кроме того, исследование выявляет шаткость европейско-глобального институционального сотрудничества и тенденцию к отделению азиатских институтов в рамках Международного валютного фонда. На практике Соединенные Штаты, стремясь к гегемонии, способствовали развитию geopolитической конкуренции, в то время как страны с формирующимся рынком стремились к установлению нового глобального политико-экономического порядка. Эти взаимодействия по своей сути определяли развитие глобального управления и его равновесное взаимодействие с регионализмом. Данная статья вносит вклад в понимание вышеупомянутой сложной реальности и предлагает решения для глобально-регионального управления.

---

¹ Статья поступила 26.09.2024

² Перевод статьи выполнен И.М. Поповой, научным сотрудником Центра исследований международных институтов Института прикладных экономических исследований (ЦИМИ ИПЭИ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)

Ключевые слова: глобальное экономическое управление, институциональная сложность, иерархические институты, регионализация; гетерогенность власти; Бреттон-Вудская система

Благодарности: Автор выражает благодарность анонимным рецензентам за ценные комментарии к предыдущей версии данной статьи. Автор заявляет, что у нее нет известных конкурирующих финансовых интересов или личных отношений, которые могли бы повлиять на результаты исследования, представленные в данной статье.

Для цитирования: Чэнь Ц. Вертикальное взаимодействие между глобальными и региональными институтами: Многоуровневые потребности и гетерогенность власти в Бреттон-Вудском институте // Вестник международных организаций. 2025. Т. 20. № 3. С. (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2025-03-01

Введение

Глобальное экономическое управление неразрывно связано с международными институтами³ В узкой временной и концептуальной перспективе глобальное экономическое управление можно отнести к периоду после холодной войны. В этот период наблюдалось углубление экономической взаимозависимости, породившее системные проблемы, такие как глобальные финансовые кризисы, транснациональные торговые и инвестиционные споры, напряженность в сфере развития и равенства, что потребовало создания и развертывания международных институтов в качестве общественного блага. При рассмотрении через более широкую историко-структурную призму глобализация проявилась как двойной процесс: слияние экономических императивов с политическими структурами власти и реконфигурация институциональных механизмов от западноцентричного доминирования к поликентричным структурам управления [Katzenstein, 2005; Chen, 2023]. Институциональная траектория, охватывающая период от лидерства Великобритании при золотом стандарте в XIX веке до создания Америкой Бреттон-Вудской системы в эпоху после Второй мировой войны и последующего адаптивного переосмыслиния институтов в ответ на изменения в динамике глобального распределения сил, иллюстрирует, что эффективность управления в основном зависит от институционального дизайна и базовых конфигураций власти [Ruggie, 1992].

---

³ Что касается изучения международных институтов или международных режимов, то ученые провели обширные исследования и дискуссии и дали целый ряд определений. Данное исследование в первую очередь опирается на определение Стивена Краснера и Роберта Кохана, поскольку в центре внимания находятся устойчивые и взаимосвязанные механизмы правил, которые сдерживают поведение участников международных отношений и формируют ожидания в отношении достижения определенного экономического сотрудничества [Krasner, 1983; Keohane, 1989].

После холодной войны глобализация и регионализация впервые стали использоваться в тандеме для достижения цели глобального экономического управления: процесс глобализации стимулировал региональное развитие, а региональное экономическое управление было интегрировано в глобальное экономическое управление. С одной стороны, трансрегиональные потоки товаров, капитала, информационных технологий и персонала привели к значительному росту глобального экономического благосостояния, например, создание банков развития в различных регионах, которые обозначили региональную практику "хорошего управления" в контексте экономической глобализации. Однако с точки зрения функций глобальные и региональные институты демонстрируют разнообразие и не полностью соответствуют своим соответствующим пространственным границам управления. Помимо уже существующих Азиатского банка развития (АБР) и Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР), в последние годы постоянно возникают такие институты, как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Новый банк развития (НБР) стран БРИКС, некоторые из которых сотрудничают со Всемирным банком или получают от него рекомендаций, а другие конкурируют с ним, применяя инновационные правила в отношении конкретных участников и регионов [Zhu, Ai, 2017; Zhu, 2021].

С другой стороны, в условиях растущей глобальной экономической неопределенности и повторяющихся международных финансовых кризисов региональные финансовые соглашения (РФС) и глобальные многосторонние структуры (в частности, МВФ) все еще пытаются наладить упорядоченную координацию и систематическое эффективное сотрудничество для укрепления Глобальной сети финансовой безопасности (ГСФБ). Начиная с Азиатского финансового кризиса 1998 года и заканчивая глобальным финансовым кризисом 2008 года, кризисы часто распространяются с межрегионального на глобальный уровень, и наоборот. Хотя МВФ остается глобальным управляющим кризисом, его застопорившиеся реформы управления, особенно в отношении представительства стран с развивающейся экономикой, стали причиной институциональных инноваций: Посткризисная система СММ-АМРО (многостороннее соглашение о валютных swapах между членами АСЕАН+3) в Азии является примером стратегического сдвига от "развития, основанного на зависимости", к "попытке разделения". Хотя ЕС создал региональную финансовую систему путем интеграции, после кризиса 2008 года он ускорил создание региональных специализированных институтов, таких как

Европейский фонд устойчивого развития (EFSD) (2009), Европейский фонд финансовой стабильности (EFSF) (2010) и его преемник Европейский механизм стабильности (ESM) (2012), а также обсуждаемый Европейский валютный фонд (EMF). То, как эти институты координируют свою деятельность с МВФ, является проблемой, стоящей перед Европой.

Несмотря на первоначальные общие цели – содействие развитию и управление кризисами, – региональные и глобальные институты не придерживаются строгих пространственных границ управления. Регионы и крупные страны участвуют в создании, реформировании и укреплении институтов на глобальном и региональном уровнях, способствуя усложнению институциональной структуры на разных географических уровнях. Эта сложность проявляется в таких отношениях, как независимость, конкуренция и сотрудничество, и в таких формах, как разделение, перекрытие, пересечение и зависимость. Широкомасштабные исследования посвящены изучению проявлений и причин институциональной сложности. Однако институциональной сложности в условиях дифференциации географического пространства, которая проявляется в виде институциональных отношений, охватывающих и связывающих пространства управления на глобальном, региональном и субрегиональном уровнях, уделяется мало внимания. По мере расширения вертикальных пространств управления до субрегиональных структур, таких как Сотрудничество субрегиона Большого Меконга (СБМ), распределение институтов на различных пространственных уровнях увеличивается. Пространственная стратификация в глобальном управлении требует вертикальной пространственной перспективы для исследования институциональной сложности.

Основываясь на существующих исследованиях институциональной сложности, данное исследование рассматривает парадоксальные отношения между глобальными и региональными институтами в вертикальном географическом пространстве. В нем рассматриваются две основные проблемы: что может привести к размежеванию определенных глобальных и региональных институтов и, наоборот, что послужило толчком к возникновению и развитию аналогичных региональных институтов, несмотря на существование глобальных систем управления? В следующей главе проводится обзор литературы, в которой дается определение институциональной сложности и рассматриваются ее причины с акцентом на вертикальную пространственную перспективу. В третьей главе институциональная сложность классифицируется с этой точки зрения с использованием двух ключевых концепций –

неоднородности власти и функциональных разрывов - для объяснения лежащих в ее основе причинно-следственных связей. В четвертой главе представлены тематические исследования управления развитием и управления кризисами, иллюстрирующие взаимодействие институтов в вертикальном пространстве. Наконец, в заключении приводятся основные аргументы и предлагаются предложения для будущих исследований.

Обзор литературы: Вертикальная перспектива институциональной сложности в экономическом управлении

Институциональная сложность, как правило, определяется как "механизмы слабосвязанного типа" и "включает в себя вложенные (полуиерархические) режимы с идентифицируемыми ядрами и неиерархические, но слабосвязанные системы институтов" [Keohane, Victor, 2011]. РаустIALA [Raustiala, Victor 2004] определил эту концепцию как ряд пересекающихся параллельных организаций в определенной области. Такие ученые, как Аггарвал и Менье, дали похожие определения. Консенсусные элементы институциональной сложности включают независимые полномочия институтов, функциональное дублирование и межинституциональное распределение членов (пересечение в членстве) [Aggarwal, 1998; Alter, Meunier, 2009]. Эйлstrup-Санджованни и Вестервинтер [Sangiovanni, Westerwinter 2022] недавно переосмыслили три положения, которые следует уточнить, рассматривая институциональную сложность, связанную с управлением. Во-первых, существуют неформальные или формальные иерархические отношения при дублировании институтов, которые влияют на результаты управления. Во-вторых, дублирующие друг друга механизмы в полицентричном управлении открывают широкие возможности для сотрудничества. В-третьих, институциональные акторы не должны ограничиваться государствами. В данном исследовании признается вышеупомянутое определение.

Существует три объяснения причин институциональной сложности. Во-первых, теория власти агентов подчеркивает конкуренцию за власть, стоящую за институтами. Исследователи подчеркивают, что рост и развитие региональных институтов обусловлены тем, что акторы используют институты в качестве власти для балансирования, конкуренции и выбора хеджирования. По происхождению власти можно выделить страны с формирующейся и развитой экономикой, а также устоявшиеся и восходящие державы [He, Feng, Wei, 2019; He et al., 2019; Malkin,

Bessma, 2011]. Различные модели взаимодействия сил, включая альянсы, конфронтацию и хеджирование, приводят к различным проявлениям сложности [Ren, Zhang, 2022]. Некоторые ученые также ввели понятие структурной власти нескольких стран-членов в рамках институтов в качестве основной переменной, объясняя, что изменение отношений между несколькими странами-членами и доминирующей страной в рамках института может привести к изменениям в институциональном выборе доминирующей страны, что приводит к сопряжению и разрыву связей [Desai, Vreeland, 2011; Jang, 2022]. В целом, природа агента, стоящего за институтами, очень важна. Однако в условиях неоднородности власти довольно сложно прояснить выбор сотрудничества или зависимости. Кроме того, в таких исследованиях игнорируются вертикальные пространственные характеристики институтов.

Второе объяснение объединяет факторы, выходящие за рамки властных отношений, которые следует учитывать при изучении институциональной сложности в географической перспективе. Исследования Катценштейна в области регионально-глобальных отношений показывают, что различия в региональной политике и намерениях имперских держав, наряду с вариациями доминирующих региональных норм, формируют разнообразие региональных институтов [Katzenstein, 2005]. Некоторые исследования объясняют партнерство между АБИИ и Всемирным банком, утверждая, что их обширное сотрудничество на ранних этапах было обусловлено необходимостью сбалансировать требования к институциональному строительству и конкурентные затраты [Zhu, Ai, 2017]. С другой стороны, в исследованиях, посвященных финансовой регионализации, высказывается предположение, что однородность групп может влиять на степень вмешательства глобальных институтов в независимое функционирование региональных институтов [Lu, 2014]. Это мнение разделяют Хеннинг и Пратт [Henning, Pratt, 2023], которые показывают, что географическая дифференциация – установленная через членство, сферу деятельности или экспертизу – систематически формирует институциональную дифференциацию. Этот путь в основном основан на анализе среднего уровня, подчеркивающем сочетание межпространственных факторов, которые дают объяснения на основе характеристик групп и анализа затрат и выгод, а также обеспечивают понимание с методологической точки зрения.

Третье объяснение уделяет внимание различным пространственным уровням, но делает больший акцент на процессе передачи институционального содержания. Сравнительные региональные исследования и глобальное управление делают упор на

подход "снизу вверх", что способствует созданию институциональной сети глобального уровня через региональные связи [Ruggie, 2002; Geng, 2021]. Этот путь компенсирует недостаток процессного объяснения того, как институты распространяются в сложных сетях в первых двух направлениях, и уделяет больше внимания дуализму регионального и глобального, целостного и индивидуального пространств управления.

Среди исследований нельзя игнорировать вертикальные пространственные особенности институционального наложения или вложенности. Пратт предложил теорию институционального подчинения, предполагающую, что международные институты могут координировать свои пересекающиеся юрисдикции посредством подчинения, тем самым решая проблемы регулятивного арбитража и компенсируя проблемы дублирования, вызванные многочисленными институтами [Pratt, 2018]. Этот процесс предполагает перераспределение полномочий внутри международных институтов. Упомянутое выше определение Эйльструпа-Санджованни подразумевает вертикальный исследовательский подход к структуре институциональной сложности. Оно предполагает, что, хотя формальные иерархии могут существовать не всегда, более поздние участники управленческого пространства могут подчиняться авторитету более ранних. Это теоретическое предположение находит эмпирическое подтверждение в типичном случае региональных торговых соглашений, вложенных в торговые правила ВТО [Aggarwal, 1998]. Используя в качестве примера управление нетрадиционными сферами безопасности, такими как климат и энергетика, Сонг [Song, 2021] утверждает, что в сфере климата Организация Объединенных Наций явно обладает глобальным институциональным авторитетом; однако признание авторитета управления формируется асимметричными структурами власти.

В теоретическом плане некоторые исследования глобального управления предлагают макроаналитические рамки. Янг, например, рассматривает вертикальное взаимодействие институтов с точки зрения экологических ресурсов, предлагая, что зависимость институтов от масштаба под влиянием юрисдикционных взаимодействий приводит к межуровневым взаимодействиям, в результате которых происходит доминирование, разделение, сопряжение и переговоры. Факторы, определяющие эти изменения, включают в себя разницу во власти, ограничения на децентрализацию, когнитивные сдвиги, запрещенные альянсы и т. д. [Young, 2006]. Однако в этих исследованиях факторы выводятся в основном из конкретных примеров без четкой детализации путей, по которым эти факторы приводят к конкретным

результатам, что подчеркивает необходимость дальнейшего анализа межуровневой институциональной сложности в экономическом управлении, на что и направлена данная работа.

В целом, с точки зрения сложности глобальных региональных институтов, помимо разделения функций, существует определенная форма отношений между сопряженными институтами, которая включает в себя переговоры, подчинение и полное отделение. Кроме того, за глобальным экономическим управлением стоят сложные силовые взаимодействия, которые связаны с geopolитическими последствиями, вызванными трансформацией глобально-регионального порядка. Наконец, к познанию субъекта в институте можно подойти не только с точки зрения идеологического конструирования, но и включить его в наблюдение за функциональной координацией глобально-региональных институтов. В следующей части будут установлены интегрированные переменные и объяснительная рамка, которые позволят выдвинуть соответствующие гипотезы по вопросу исследования.

Теоретическая основа: Гетерогенность власти, разрыв институциональных функций и комплексное представление в управлении

Стокке [Stokke, 2001] указал на два фундаментальных различия в институциональной сложности при изучении эффективности институтов: содержательные различия, такие как взаимодействие между функциональными и политическими институтами; и формальные различия, такие как взаимодействие между вертикальными и горизонтальными институтами. Однако эти значительные различия в классификации не способствуют развитию теории. В данной статье предпринята попытка установить диалог между формальными и содержательными аспектами институционального взаимодействия, предлагая две ключевые концепции при анализе вертикального институционального взаимодействия в глобальном управлении в соответствии с наблюдениями на реалистичном фоне. (Рисунок 1).

Рисунок 1. Независимые переменные в вертикальном взаимодействии глобальных и региональных институтов

Источник: составлено автором.

Первая концепция фокусируется на функциональном разрыве институтов, который возникает из-за несоответствия между потребностями многоуровневого управления и функциями уже существующих институтов глобального управления. Концепция основана на следующих тезисах. С точки зрения степени соответствия между иерархическими полномочиями и дифференциацией географического пространства международные и национальные институты работают по-разному. Иерархические полномочия национальных институтов часто соответствуют вертикальному распределению географического пространства, в то время как функциональный охват международных институтов и географические пространственные границы их управления не всегда симметричны. [Henning, Pratt, 2023] Бреттон-Вудские институты, созданные после Второй мировой войны, были нацелены на глобальное послевоенное экономическое восстановление, в то время как рост полицентричной geopolитики в период окончания холодной войны породил автономные, нюансированные и новые требования к управлению, которые прежние глобальные институты не могут полностью удовлетворить [Wainaina, 2025]. В условиях динамичного развития глобальных и региональных институтов функции институтов глобального уровня оказываются недостаточными для удовлетворения потребностей регионального развития, в то время как региональные институты начали выходить за свои географические границы и распространять свое влияние на глобальный уровень. Следовательно, старые институты могут адаптироваться и реформироваться в ответ на меняющиеся требования, а новые институты продолжают возникать и взаимодействовать со старыми в борьбе за власть.

Вторая концепция – это неоднородность власти, стоящей за этими институтами. Эта неоднородность возникает в результате изменений в двух направлениях. Одно из них связано с переходом от bipolarной системы к мировой системе с центром в виде гегемонии США, а другое - с перестройкой национальных идентичностей и институционального выбора в результате возникновения региональной многополярности. Эти структурные и многоуровневые изменения порождают конфликты направлений и несовместимость атрибутов, что приводит к дифференциации власти между институтами глобального и регионального уровней. Конфликт направлений частично отражается в антагонизме между доминантой и претендентом, как это постулируется в теории институциональной конкуренции. Глобальная гегемония после холодной войны неизбежно сталкивается с вызовами

разной степени сложности, исходящими от набирающих влияние стран в разных регионах [He, 2009; Runde, Hardman, 2024; Wu, 2020]. Несовместимое качество, с другой стороны, черпает вдохновение в концепции разделения международных систем, которая включает в себя не только национальные системы, характеризующиеся военными действиями, но и экономические системы, воплощенные в торговле и инвестициях [Gourevitch, 1978]. Следовательно, акторы в системе неизбежно демонстрируют значительные различия как в политическом, так и в экономическом плане, особенно в регионализированном мире, таком как противостояние между странами с развивающейся экономикой и развитыми экономиками. Стоит отметить, что гетерогенность власти – понятие не фиксированное, а относительное, оно может меняться в зависимости от сдвигов в глобальной структуре власти, например, распад Советского Союза привел к изменениям в динамике региональной власти. При высокой степени неоднородности глобальной и региональной власти усиливается конфронтационный характер институтов. И наоборот, когда неоднородность власти сводится практически к нулю, институциональные механизмы становятся полностью подчиненными функциональным требованиям.

Эти две ключевые переменные определяют модели глобальных и региональных взаимодействий, и в данном исследовании они оперируют ими и представляют их причинно-следственную логику в виде таблицы 1. В данной работе утверждается, что изолированные или независимые институты управления лишь увеличивают число институтов, а не вписываются в рамки институциональной сложности.⁴ Как правило, они возникают в условиях крайнего неравенства требований к управлению на глобальном или региональном уровнях. Это означает, что уникальные потребности региона, которые не учитываются или игнорируются глобальными институтами, требуют от региональных режимов их самостоятельного решения. Если силовая неоднородность слаба, регион не исключает поиска диалога с глобальными институтами, типичным примером чего является сотрудничество в рамках Единой системы управления грантами. Если неоднородность власти очень сильна, может возникнуть крайний случай, когда региональные институты будут изолированы от глобальных институтов. В любом случае основные члены, правила, цели и содержание региональных институтов полностью отличаются от глобальных

---

⁴ При определении институциональной сложности ученые часто размещают ее на спектре, на одном конце которого находятся единичные институты, а на другом - крайне децентрализованные протокольные институты [Keohane, Victor, 2011; Wang, 2012]

институтов. Без какой-либо связи между ними институциональная сложность не может возникнуть. Они служат в качестве сравнительных ссылок и не будут далее рассматриваться в следующем анализе, который сосредоточен главным образом на четырех типах институциональной сложности в пространстве вертикального управления.

Таблица 1. Типы институциональной сложности в вертикальной пространственной перспективе

		Гетерогенность власти	
		Сильная	Слабая
Разрыв институциональных функций	максимальный	Изоляция	Независимость Управление
	Средний	Конкурентное сотрудничество	Взаимодополняющее сотрудничество
	Минимальный	Разъединение	Иерархия

Источник: составлено автором.

Примечание: серым фоном обозначены децентрализованные протокольные институты, а синим - типы институциональной сложности.

Иерархия. Международная институциональная иерархия может быть определена как однонаправленное подчинение и признание главенства определенного глобального международного института региональными институтами в рамках конкретной сферы управления.⁵ Когда регионы создают институты со схожими целями, операционными рамками и масштабами проектов в рамках существующей глобальной институциональной структуры, но в основном обслуживаются местный географический охват, функциональный разрыв с глобальными институтами невелик. Функции глобальных институтов уже отвечают потребностям региона, а региональные институты могут повысить эффективность этих функций. В этом сценарии, при слабой неоднородности власти, региональные институты больше похожи на вертикальные версии глобальных институтов. Многие региональные институты, возникшие во время холодной войны и сохранившиеся до наших дней, часто

---

⁵ Это определение вдохновлено исследованиями, рассмотренными в обзоре литературы. [Song, 2021; Henning, Pratt, 2023; Pratt, 2018] Понятие почтения включает в себя не только формальное признание правил, но и, чаще всего, неформальные средства, такие как нормативное повиновение и признание третьей стороны. Зависимость от пути и приоритет в спорах являются одними из основных проявлений. Кроме того, как отмечают Хенниг и Пратт [Henning, Pratt, 2023, р. 2185, "переменная (институциональная иерархия) концептуально отличается от объема полномочий, делегированных государствами-членами конкретной международной организации. Она также отличается от асимметричного влияния или власти среди государств-членов"]. Переменные неоднородности власти и институциональной иерархии в исследовании могут быть независимы друг от друга.

подчиняются глобальным институтам из-за однородности власти в двух основных лагерях и схожих потребностей послевоенного экономического развития; типичными примерами являются Азиатский банк развития и Межамериканский банк развития [Humphrey, 2022].

Разделение функций. Там, где неоднородность власти усиливается, но функциональный разрыв незначителен, возникают отношения размежевания функций между глобальными и региональными институтами. Хотя региональные институты по-прежнему выполняют и наследуют функции глобальных институтов, в условиях перехода от старого к новому и плюралистического взаимодействия власть может быть трудно координировать. Поэтому региональные институты могут пытаться самостоятельно развиваться в рамках схожих функций.

Взаимодополняющее сотрудничество. Хотя глобальные институты могут частично удовлетворить потребности в экономическом управлении на региональном уровне, существует острая необходимость в реформировании глобальных институтов или появлении новых региональных институтов, которые были бы современными как по содержанию, так и по правилам. При сближенииластных характеристик и направлений этих двух уровней управления взаимодополняющий характер институциональных функций на этих двух уровнях и богатый опыт глобальных институтов на протяжении многих лет делают возможным взаимодополняющее сотрудничество. В качестве примера можно привести некоторые специализированные банки развития, возникшие в различных регионах после окончания холодной войны, и типичным из них является ЕБРР. В следующей части мы расскажем о том, как он появился в период политических преобразований в странах Центральной и Восточной Европы, стимулируя рыночные преобразования.

Конкурентное сотрудничество. По сравнению с развитием чистого сотрудничества, основанного на целях управления, большая неоднородность власти усиливает конкурентный характер сотрудничества. После окончания холодной войны усилилась тенденция к многополярности, в результате чего все большее значение приобретают страны с развивающейся экономикой и Глобального Юга. Этот сдвиг привел к тому, что динамика сил, лежащая в основе создания многих региональных институтов, часто вступает в противоречие с существующей структурой власти глобальных институтов. В результате возникла модель конкурентного сотрудничества. Например, АБИИ рассматривается как результат недовольства

политическим доминированием Запада и растущей лидирующей позиции Китая [Qian, Vreeland, Zhao, 2023], что будет подробнее описано в разделе, посвященном конкретным случаям.

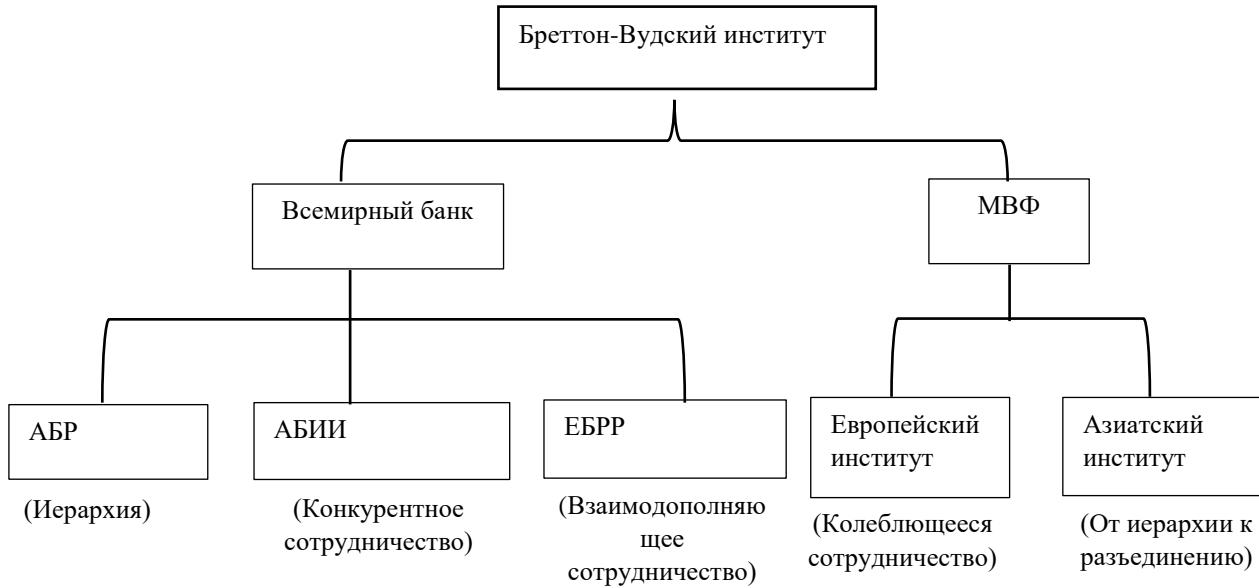
В условиях динамичного развития глобального политического и экономического порядка институциональная сложность в вертикальном пространстве не является статичной, а меняется в ответ на сдвиги в двух основных переменных.

Стабильность и развитие: Региональные институты в рамках Бреттон-Вудских институтов

После Второй мировой войны была создана система управления мировой экономикой, ядром которой стали Всемирный банк, Международный валютный фонд (МВФ) и Генеральное соглашение по тарифам и торговле (позднее известное как Всемирная торговая организация). Всемирный банк и МВФ, служившие основой глобальной экономической стабильности и развития, принято называть "Бреттон-Вудской системой". Эта система имела три характерные особенности: глобальный институциональный дизайн, доминирование западных стран во главе с США и служение капиталистическому мировому порядку, сложившемуся после Второй мировой войны.

По мере того как заканчивалась холодная война и разворачивалась новая волна глобализации, асимметрия между потребностями регионального развития и глобальным институциональным дизайном способствовала как эволюции устоявшихся институтов, так и появлению новых, что внесло свой вклад в усложнение ситуации. На примере управления в валютно-финансовой сфере в условиях кризиса и практики развития инвестиционной помощи в этой части будут проиллюстрированы вышеупомянутые предположения.

Рисунок 2. Иллюстрация на сравнительных примерах

Источник: составлено автором.

(1) Всемирный банк и региональные многосторонние банки

Всемирный банк был создан для решения проблем развития, возникших после Второй мировой войны. Он призван финансировать развитие стран в таких областях, как борьба с бедностью, развитие инфраструктуры, охрана окружающей среды и устойчивое развитие, образование и здравоохранение.

Институциональная структура Всемирного банка отражает послевоенное распределение власти: его высшим органом является Совет управляющих, который принимает решения по основным вопросам, оценивая право голоса на основе долей стран-членов. При первоначальном создании банка Соединенные Штаты, в силу своей послевоенной экономической мощи, получили большую долю голосов, а большинство оставшихся разделили между собой их союзники в Европе и Японии. Благодаря принципу большинства в принятии решений развитые страны, несомненно, имели абсолютное преимущество в осуществлении власти [Luo, Yang, 2022]. В 2010 году в результате реформы Всемирный банк передал часть прав голоса от развитых стран развивающимся, и Китай, обогнав Германию, Францию и Великобританию, стал третьим по величине акционером после США и Японии.⁶ Тем не менее, Соединенные Штаты (с 15,85% голосов) имеют абсолютное преимущество в

⁶ После реформы в первую десятку стран по количеству голосов вошли: США с 15,85%, Япония с 6,84%, Китай с 4,42%, Германия с 4%, Великобритания с 3,75%, Франция с 3,75%, Индия с 2,91%, Россия с 2,77%, Саудовская Аравия с 2,77% и Италия с 2,64%.

голосовании специальным большинством, что означает, что они по-прежнему обладают правом вето в ключевых вопросах, таких как пересмотр *статьей соглашения МБРР*. Другие страны «Группы семи» имеют 25% голосов, что в пять раз больше, чем у Китая, и почти в десять раз больше, чем у Индии. В комментарии Всемирного банка по поводу этой реформы "распределения прав голоса и системы голосования" говорится, что она "достигла большего, но недостаточного прогресса." [World Bank, 2020]. Западные страны во главе с Соединенными Штатами доминируют в голосовании, определяющем деятельность Всемирного банка. Эта ситуация не претерпела существенных изменений в связи с изменениями в глобальном экономическом развитии, особенно с повышением статуса развивающихся стран с формирующимся рынком (РСЗР) в мировой экономике [Humphrey, 2022]. С развитием глобальной экономической структуры наблюдается значительная неоднородность власти между развитыми и развивающимися странами в процессе принятия решений институтами. Эта неоднородность распространилась с внутренней структуры института на вертикальные институты после ускоренного появления институтов регионального уровня.

Если вспомнить эпоху холодной войны, то региональные институты, возникшие в Азии, Африке и Америке,⁷ не обладали значительной властной неоднородностью и функциональными разрывами с глобальными институтами, формируя тем самым иерархическую модель институциональной сложности, типичным представителем которой является Азиатский банк развития. АБР является важным региональным инвестиционным институтом развития в мире, чья власть, лежащая в основе его создания, в некоторой степени однородна с глобальными институтами. Что касается доли участия, то распределение между странами-заемщиками и странами, не являющимися заемщиками, а также между странами «Группы семи» и странами, не входящими в нее, в АБР в значительной степени схоже с распределением во Всемирном банке. Япония пользуется особым режимом, непропорциональным ее экономической мощи, в то время как США имеют абсолютное преимущество в праве голоса, их доля равна доле Японии, что позволяет США иметь право вето в вопросах изменения структуры капитала, внесения поправок в статьи соглашений, приостановки операций и изменения состава совета директоров и т. д. [Humphrey, 2022]. Ученые подтвердили, что, хотя АБР имеет относительно низкую концентрацию

---

⁷ В основном включает Азиатский банк развития (АБР), Африканский банк развития (АфБР) и Межамериканский банк развития (МБР).

власти в своей институциональной структуре, США могут осуществлять более высокую степень контроля над АБР через американо-японский альянс [Pang, He, 2015]. Как видно, существует тесная связь между региональной властью, стоящей за АБР, и основными группами, стоящими за созданием и функционированием Всемирного банка.

Что касается функций, то разрыв между АБР и Всемирным банком очень мал. Исходя из цели "способствовать экономическому росту и сотрудничеству в регионе Азии и Дальнего Востока", функции АБР сосредоточены на "предоставлении технической помощи для подготовки, финансирования и реализации проектов и программ развития, включая формулирование конкретных проектных предложений". [ADB, 1966] По структуре кредитных отделов АБР охватывает 11 секторов, что очень похоже на структуру Всемирного банка. На начальном этапе кредиты АБР были одобрены для инвестирования 23% в энергетический сектор, 20% в проекты в области транспорта и коммуникационных технологий, 19% в сельскохозяйственные проекты, 18% в финансовые проекты, 10% в промышленные проекты, 9% в проекты по сохранению водных ресурсов и около 1% в образование [McCawley, 2020]. Всемирный банк, как первопроходец в удовлетворении глобальных потребностей в послевоенной помощи на цели развития, установил полномочия по управлению. В отличие от него, Азиатский банк развития (АБР), являясь региональной проекцией Всемирного банка, активно берет на себя ответственность за конкретное выполнение функций. Эта роль свидетельствует о признании и уважении региональных институтов к глобальному органу управления.

После окончания холодной войны новые потребности регионального развития выявили институциональные функциональные пробелы Всемирного банка, что ускорило появление многосторонних банков развития. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) был запущен в 2015 году по инициативе Китая, который в то время был второй по величине экономикой мира, с целью поддержки развития инфраструктуры и устойчивого роста в Азии. Цзинь Лицюнь, тогдашний глава института, заявил: "По расчетам АБР, ежегодные потребности в инвестициях в инфраструктуру в Азии с настоящего времени до 2020 года достигнут 730 миллиардов долларов, которые, однако, не могут быть удовлетворены только такими авторитетными международными многосторонними институтами, как Всемирный банк и АБР" [CCTV, 2015]. Наиболее существенное различие между АБИИ и Всемирным банком (и АБР) заключается в том, что АБИИ фокусируется на

развитии инфраструктуры в Азии. Как говорится в его декларации, "у многих из нас есть врожденное стремление к улучшению качества жизни. Это означает доступность физической, цифровой, коммерческой, медицинской, образовательной и другой социальной инфраструктуры" [АПВ, 2023а]. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций предложил инициативу "*Инфраструктура завтрашнего дня*" (i4t), в рамках которой "зеленая" инфраструктура занимает центральное место в обеспечении устойчивости, инноваций и коммуникаций, реализуемых посредством финансового разблокирования. Кроме того, в плане настройки проектов АБИИ уделяет внимание ключевым областям, которые могут способствовать развитию азиатских стран, таким как цифровые технологии. Из 221 реализованного проекта, не считая 57 проектов, включенных в Фонд выхода из кризиса COVID-19, на цифровые технологии приходится 5,4%, а остальные в основном инвестируются в крупные инфраструктурные проекты, включая транспортировку и использование энергии и транспорт [АПВ, 2023б]. Его институциональные функции и функции Всемирного банка пересекаются и дополняют друг друга. Первый удовлетворяет потребности развивающихся стран Азии, возникших после холодной войны, в развитии и росте городов, но нуждается в руководстве со стороны второго с точки зрения общего опыта борьбы с бедностью. Таким образом, существует потенциал для сотрудничества.

Подобно АБИИ, Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) также создал специальные функциональные сектора для адаптации к потребностям регионального управления. В 1991 году во многих странах Центральной и Восточной Европы рухнул коммунизм. Впоследствии эти страны стремились избавиться от прежней плановой экономики советского типа. Франция предложила создать специализированный институт для помощи в трансформации этих стран, взявших на себя обязательства по переходу к многопартийной демократии. Поэтому, в отличие от других банков развития, ЕБРР отдает приоритет "инвестициям частного сектора, совместному финансированию проектов, следя за тем, чтобы эти инвестиции способствовали неолиберальному пониманию переходного периода" [Shields, 2020а], что, в свою очередь, позволило ему стать единственным в мире банком переходного периода [Xie, 2012]. Что касается инвестиционных проектов, то ЕБРР сосредоточился на четырех направлениях: инфраструктура, переход на ядерные объекты, развитие малого бизнеса и борьба с кризисом беженцев. Критерии оценки результатов каждого проекта основаны на результатах преобразований. Хотя оба института занимаются вопросами развития, ЕБРР в значительной степени восполняет функциональный пробел в

региональном спросе, созданный Всемирным банком, что делает возможным всестороннее сотрудничество между ними [Shields, 2020].

Однако различия в гетерогенности власти приводят к разным формам сотрудничества между АБИИ и ЕБРР при взаимодействии с Всемирным банком. ЕБРР демонстрирует полную однородность с основными державами, стоящими за Всемирным банком, с точки зрения структуры власти и процессов. Западноевропейские страны, инициировавшие создание института и доминирующие в нем, поддерживают долгосрочные союзы с США, разделяя общие взгляды и консенсус в отношении демократической политики и капиталистического производства в рамках глобальной экономической гегемонии. Этот консенсус выступает в качестве порога для членства, заставляя страны подчиняться этой власти посредством институциональной ассимиляции, включая демократический процесс, свободу прессы и систему социальной защиты, тем самым укрепляя их признание и зависимость, одновременно уменьшая потенциальную неоднородность [EBRD, 1998]. Таким образом, ЕБРР и Всемирный банк разработали взаимодополняющий тип сотрудничества, который по своей сути является неконкурентным.

В отличие от этого, АБИИ и Всемирный банк демонстрируют конкурентный тип сотрудничества. Из первоначального взаимодействия сил видно, что АБИИ столкнулся с сопротивлением со стороны США и Японии во время своего создания. США не только воздержались от вступления в Банк, но и оказывали давление на своих союзников, чтобы те не вступали в него [Perlez, 2015; Watt et al., 2015]. Япония, в свою очередь, опасаясь, что АБИИ подорвет авторитет АБР, проявила осторожность и придерживалась последовательной позиции по отношению к своим союзникам [Bi, 2016]. Что касается права голоса, то в АБИИ принято правило двойного большинства по всем основным вопросам (таким как внесение изменений в соглашения, увеличение уставного капитала, избрание президента и т. д.), что обеспечивает равенство в процессе принятия решений и уравновешивает распределение власти. Расчеты на компьютерной модели показывают, что, хотя Китай является крупнейшим акционером, он не обладает абсолютной властью в значимых вопросах, включая поправки к правилам и выборы президента. Напротив, модель показывает, что АБИИ благоприятствует распределению долей внутри региона и между странами БРИКС, а также уважает позицию стран «Группы семи» в принятии решений по основным вопросам [Luo, Yang, 2022]. Таким образом, как с geopolитической точки зрения, так и с точки зрения различий в структуре власти, отражаемых институциональными

механизмами, между АБИИ и Всемирным банком существует относительно большая степень неоднородности власти, формирующая модель конкурентного сотрудничества.

Таблица 2. Сравнение Всемирного банка и региональных многосторонних банков развития

	Всемирный банк	АБР	ЕБРР	АБИИ
Особенности функционирования	Проблема развития (После Второй мировой войны)	Проблема развития (Холодная война)	Акцент на внутренних политических и экономических институтах Переход - демократизация и приватизация (По окончании холодной войны)	Акцент на инвестиции в инфраструктуру (после холодной войны)
Пространственный уровень	Глобальный	Региональный	Региональный	Региональный
Характеристики управления	Гегемонистское господство	Хабовая система	Подчиненный союз	Баланс сил

Источник: составлено автором.

Примечание: Несмотря на то, что разделение институтов по пространственному уровню может быть обусловлено опытом и исследованиями, в данной таблице, основанной на существующих исследованиях [Osampo, Ortega, 2022; Humphrey, 2022], строго указано, что критерии разделения определяются исходя из основной географической сферы обслуживания и основного состава членов на момент создания института.

В заключение следует отметить, что функциональные разрывы и неоднородность власти между Всемирным банком и различными региональными институтами определяют различные вертикальные отношения.

(2) Международный валютный фонд и управление региональными финансовыми кризисами

Международный валютный фонд (МВФ), созданный после Второй мировой войны как механизм управления финансами и денежно-кредитной сферой, выполняет основную миссию по поддержанию международной финансовой стабильности. В настоящее время он продолжает в той или иной степени осуществлять свое финансовое управление в разных странах мира и играет важную роль в экономическом наблюдении, кредитовании и технической помощи [IMF, 2023]. В то же время развитие регионализации во второй половине холодной войны усилило региональные исследования в области финансового управления. Затем воздействие двух финансовых кризисов стимулировало создание Глобальной сети финансовой безопасности (GFSN), способствуя институциональному усложнению региональных и глобальных взаимодействий.

В Европе институциональное строительство развивалось от создания базовой стабильности обменного курса до создания единой региональной валютной системы, которая выходит за рамки суверенных валютных систем, удовлетворяя торговые и инвестиционные потребности еврозоны для обеспечения экономической стабильности внутреннего единого рынка. В частности, Европа приступила к созданию финансового управления и валютных союзов в 1960-х годах, начав с Европейской валютной системы (EBC), целью которой было вмешательство в валютные рынки стран-членов Европейского сообщества и координация монетарной политики стран-членов для противодействия уязвимости доллара США. Затем, в 1973 году, были созданы Европейские фонды валютного сотрудничества (EMCF), за которыми последовало создание Европейского центрального банка (ЕЦБ) и Европейского валютного союза (EBC), способствовавших в конечном итоге формированию Еврозоны. Единая валюта удовлетворила потребности европейской финансовой интеграции, устранив торговые и экономические барьеры, связанные с нестабильными обменными курсами для стран-участниц, а также ослабила зависимость Европы от МВФ, опиравшегося на гегемонию доллара США.

Напротив, функциональная зависимость Азии от МВФ гораздо выше, чем у Европы. Подстегнутая финансовым кризисом 1997 года, Азия попыталась создать ряд институтов финансового управления, включая Диалог министров финансов в рамках "10+3" (1999) и Чиангмайскую инициативу (CMI) (2000). Первая направлена на предотвращение финансовых кризисов посредством диалога, а вторая – на создание системы финансовой безопасности через двусторонние соглашения о валютных swapах. Однако по сравнению с европейскими стандартами Азия все еще имеет значительные возможности для улучшения стабильности обменных курсов, эффективности институтов и возможности регулирования. Помимо отсутствия потенциала для создания единой валюты, Азия по-прежнему сдерживается МВФ в плане доступности ликвидности и условий кредитования, связанных с валютными swapами [Li, Wu, 2019]. Таким образом, во время кризисов не существует значительного разрыва между институциональными функциями МВФ и потребностями финансового управления в Азии.

Однако с изменением гетерогенности власти сотрудничество Европы и зависимость Азии от глобальных институтов также постепенно претерпевают определенные изменения. МВФ рассматривался как платформа для "совместного управления" миром Европой и США. Европа долгое время контролировала ротацию высшего

исполнительного директора МВФ и имела большинство мест в Исполнительном совете. США постоянно контролировали ключевые права голоса по важнейшим вопросам, как это было во Всемирном банке. [Katzstein, 2005; Xie, Huang, 2022]. Переход от биполярного мира к полицентричному и подъем стран с формирующимся рынком в совокупности бросили вызов такой структуре власти и глобальному экономическому порядку, воплощенному в МВФ.

Европа демонстрирует расхождение в направлении сил. Европейская интеграция укрепила внутренний консенсус в регионе. Однако баланс сил при расширении членов ЕС сдерживал его отход от однородности власти с глобальными институтами. Благодаря сложившейся однородности власти между МВФ и ЕС в сотрудничестве по урегулированию кризисов, ЕС принял условия, предложенные МВФ в кризис 2008 года, а затем включил Европейский союз (ЕС), Европейский центральный банк (ЕЦБ) и МВФ в список "тройки" для преодоления кризиса. Тем не менее, внутренние разногласия в Европе привели к тому, что вопрос о роли МВФ был поставлен на повестку дня, в связи с чем были высказаны жалобы на недостаточную готовность МВФ предоставлять кредиты и чрезмерное вмешательство в автономию региона в ходе сотрудничества. Поэтому возникло требование об укреплении статуса региональных институтов, за которым последовало создание Антикризисного фонда ЕврАЗЭС и двух специальных фондов: Европейского механизма финансовой стабилизации (EFSM) и Европейского фонда финансовой стабильности (EFSF). После кризиса Европа преобразовала эти два временных института в постоянный – Европейский стабилизационный механизм (ESM) - и запланировала создание Европейского валютного фонда (EMF) [Su, 2018], чтобы контролировать кризис еврозоны и в дальнейшем компенсировать отсутствие функции "кредитора последней инстанции" [Calliess, 2021]. Стоит отметить, что в *предложенных Положении и Уставе Европейского валютного фонда* Европа исключила пункт о сотрудничестве с МВФ, упомянутый в статьях *Договора о ESM*, указав лишь, что он может устанавливать и поддерживать отношения сотрудничества с международными институтами в соответствующих областях. Некоторые комментарии показывают, что усилия Европы укрепят структуру глобальной системы финансовой безопасности и повысят глобальный потенциал противостояния финансовым кризисам. В то же время это может стать вызовом для глобальных антикризисных функций, выполняемых МВФ [McKay, Volz, 2010].. Это свидетельствует о неоднозначном отношении Европы к сотрудничеству с МВФ.

В отличие от шаткого сотрудничества, вызванного противоречиями в выборе власти в Европе, вертикальная проекция глобальных институтов в Азии сталкивается с более сильной неоднородностью власти. Япония, как союзник США, с осторожностью относится к усилению Китая и получила от США поддержку в создании собственного банка развития. Однако на фоне бдительности США и Китая Япония не смогла запустить Азиатский валютный фонд (АВФ) во время финансового кризиса. После этого возвышение Китая заставило страны АСЕАН и Северо-Восточной Азии начать относиться к нему с опаской, хотя Китай сыграл ключевую роль в выходе из экономического кризиса 1998 года [Не, 2009]. Однако внутрирегиональная конкуренция за доминирование в Азии была подавлена перед лицом глобальной гегемонии, а неоднородность азиатских сил нашла равновесие в противостоянии глобальной мощи. Отношение азиатских стран можно резюмировать следующим образом: "Ограничения многосторонних институтов, таких как МВФ, отражают ограничения тех национальных государств, которые их создали" [Кариг, 1998]. Суровое отношение МВФ к странам-должникам и безразличие США к своим союзникам во время кризиса побудили Восточную Азию сосредоточиться на финансовом регионализме, особенно в рамках АСЕАН+3, в качестве альтернативы МВФ, в котором доминируют США. В результате Азия постоянно укрепляла свое стремление обособиться от глобальных институтов в управлении кризисами. В 2009 году СМИ была преобразована в Мультилатерализацию Чиангмайской инициативы (СМИМ), приняв в качестве формы реализации Самоуправляемое соглашение о резервном пуле (SRPA), что ознаменовало более глубокий этап азиатского финансового сотрудничества [Chen, Shen, 2011]. В апреле 2011 года было создано Управление макроэкономических исследований АСЕАН+3 (AMRO) в форме общества с ограниченной ответственностью, которое в 2016 году было официально преобразовано в международную организацию, что ознаменовало создание ощутимого регионального надзорного органа в Восточной Азии [Li, Wu, 2019].

Таким образом, Азия стремится отойти от институциональной иерархии (то есть подчиненности глобальным институтам) в финансовом управлении из-за более сильной неоднородности власти, в то время как для Европы характерно неустойчивое сотрудничество между институтами регионального и глобального уровней, на которое влияют пробелы в институциональной функциональности на фоне меняющейся неоднородности власти. Данный пример не только отражает логику

вертикальной институциональной сложности, но и иллюстрирует относительную природу властной неоднородности.

Заключение

В исследовании утверждается, что неоднородность властных конфигураций в сочетании с пробелами в институциональных функциях, вызванными противоречием между многоуровневыми потребностями и институциональными дополнениями, в совокупности способствуют возникновению сложных вертикальных институциональных сложностей, таких как конкурентное сотрудничество, взаимодополняющее сотрудничество, разделенная конкуренция и иерархические институты. В управлении глобальным экономическим развитием Всемирный банк и АБР сформировали фактическую иерархию благодаря большей однородности власти и меньшему функциональному разрыву между институтами. Однако, когда разрыв увеличивается, они формируют дополнительное сотрудничество с Всемирным банком, типичным примером которого является ЕБРР. АБИИ и Всемирный банк, в силу определенной властной неоднородности и институционального функционального разрыва, сформировали конкурентное сотрудничество. При создании институтов кризисного управления функциональность Европы определялась ее интеграцией. Однако силовая неоднородность между глобализацией и регионализмом привела к тому, что ее сотрудничество с МВФ колеблется. В отличие от Европы, Азия полагается на структуру МВФ из-за отсутствия единой валютной системы. Однако она пытается отделиться от МВФ из-за дифференциации сил.

В эпоху после холодной войны процессы глобализации и регионализации согласовались в своих целях в рамках глобального экономического управления. Объединив глобальное управление и региональные требования в одну переменную, данная работа еще более уточняет вертикальную пространственную перспективу для устоявшихся исследований институциональной сложности. Кроме того, она создает теоретическую основу с институциональной точки зрения для понимания отношений глобального и регионального управления. Кроме того, данная статья вносит вклад в понимание сложной реальности, в которой США, руководствуясь стремлением сохранить гегемонию, участвуют в geopolитической конкуренции, а страны с формирующимся рынком стремятся установить новый глобальный политico-экономический порядок.

В будущем может быть продолжено и углублено в трех аспектах. Во-первых, может быть проведено исследование динамики сложности. Ограничения по формату в статье не позволяют рассмотреть изменения в структуре управления АБР и их влияние после холодной войны, а также устойчивость и трансформацию подхода к развязке сети азиатской финансовой безопасности. Во-вторых, количественное измерение функционального дублирования может быть усилено. В-третьих, государства и субрегионы считаются важной частью межуровневого институционального анализа. Если ввести новые пространственные переменные, то исследование сложности вертикальных институциональных взаимодействий может привести к выводам, выходящим за рамки данного анализа.

Список источников (References)

- Aggarwal V.K. (1998) Reconciling Multiple Institutions: Bargaining, Linkages, and Nesting. *Institutional Designs for a Complex World: Bargaining, Linkages, and Nesting* (V.K. Aggarwal (ed.)). Ithaca: Cornell University Press, pp.1-31. Available at: https://basc.berkeley.edu/wp-content/uploads/2021/04/1998-reconciling_multiple_institutions.pdf (accessed 10 July 2025).
- Alter K.J., Meunier S. (2009) The Politics of International Regime Complexity. *Perspectives on Politics*, vol.7, no.1, pp.13-24. Available at: https://faculty.wcas.northwestern.edu/kal438/KarenJAlter2/International_Regime_Complexity_files/AlterMeunierComplexityPOP2009.pdf (accessed 10 July 2025).
- Asian Development Bank (ADB) (1966) *Agreement Establishing the Asian Development Bank* (ADB Charter). Available at: <https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/32120/charter.pdf> (accessed 10 July 2025).
- Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) (2023a) *Who We Are*. Available at: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/index.html> (accessed 10 July 2025).
- Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) (2023b) *Project Summary*. Available at: <https://www.aiib.org/en/projects/summary/index.html> (accessed 10 July 2025).
- Bi Y. (2016) Beat or Join? The Challenges of China's Asian Infrastructure Investment Bank to the US and Japan. *China and WTO Review*, vol.2, no.2, pp.281-302. Available at: https://www.researchgate.net/publication/307518341_Beat_or_Join_The_Challenges_of_China's_Asian_Infrastructure_Investment_Bank_to_the_US_and_Japan (accessed 10 July 2025).
- Calliess C. (2021) The Future of Europe after Brexit: Towards a Reform of the European Union and its Euro Area. *Yearbook of European Law*, vol.40, pp.3-55. Available at: <https://doi.org/10.1093/yel/yeaa014> (accessed 10 July 2025).
- Chen C.W. (2023) Quan qiu hua fa ren yu he shi – dui “tu bian lun” yu “jian bian lun” liang zhong shi jiao de zong shu [The Origins of Globalization: A Review of the “Big Bang” and “Gradualist” Perspectives]. *Fan si quan qiu hua: li lun, li shi yu qu shi*

[Rethinking Globalization: Theories, Histories, and Prospects] (Z.Y. Wang, S.Q. Tang (eds.)). Beijing: Social Sciences Academic Press, pp.173-191 (in Chinese).

Chen L.L., Shen H.F. (2011) Dong ya huo bi jin rong he zuo de shen hua: cong ‘qing mai chang yi’ dao ‘qing mai chang yi duo bian hua’ [The Deepening of Monetary and Financial Cooperation in East Asia:from “CMI” to “CMIM”]. *Crossroads: Southeast Asian Studies*, no.5, pp.36-40 (in Chinese).

China Central Television (CCTV) (2015) *Focus on China Development High-Level Forum: Jin Liqun Elaborates on AIIB*. March 23. Available at: <http://m.news.cntv.cn/2015/03/23/ARTI1427065459213381.shtml> (accessed 10 July 2025).

Desai R.M., Vreeland, J.R. (2011) Global governance in a multipolar world: The case for regional monetary funds. *International Studies Review*, vol.13, no.1, pp.109-121. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2486.2010.01002.x> (accessed 10 July 2025).

Eilstrup-Sangiovanni M., Westerwinter O. (2022) The Global Governance Complexity Cube: Varieties of Institutional Complexity in Global Governance. *The Review of International Organizations*, vol.17, no.2, pp.233-262. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11558-021-09449-7> (accessed 10 July 2025).

European Bank for Reconstruction and Development (EBRD) (1998) *Transition Report 1998*. Available at: <https://www.ebrd.com/home/news-and-events/publications/economics/transition-reports.html#> (accessed 10 July 2025).

Geng X. (2021) Quan qiu xing di qu zhi li de guan nian sheng cheng he shi xian lu jing: Jian yi hu lian hu tong de zheng ce kuo san wei li [The Consolidation and Implementation of the Concept of Global-Regional Governance: the Diffusion of Connectivity Policy as an Example]. *The Journal of International Studies*, no.4, pp. 80-105 (accessed 10 July 2025)(in Chinese).

Gourevitch P. (1978) The International System and Regime Formation: a Critical Review of Anderson and Wallerstein. *Comparative Politics*, vol.10, no.3, p.419. Available at: <https://doi.org/10.2307/421712> (accessed 13 July 2025).

He K. (2009) *Institutional Balancing in the Asia Pacific: Economic interdependence and China’s Rise*. London: Routledge. Available at: https://www.routledge.com/Institutional-Balancing-in-the-Asia-Pacific-Economic-interdependence-and-Chinas-rise/He/p/book/9780415541473?srsltid=AfmBOop9B5P8KrNva08z1XUWGwRux2m5aPLajf_e0H1AfoqMNWeUsMbZ (accessed 13 July 2025).

He K., Feng H. Y., Wei, B. (2019) Leadership Transition and Global Governance: Role Conception, Institutional Balancing, and the AIIB. *The Chinese Journal of International Politics*, vol.12, no.2, pp.153-178. Available at: <https://doi.org/10.1093/cjip/poz003> (accessed 13 July 2025).

Henning C. R., Pratt T. (2023) Hierarchy and Differentiation in International Regime Complexes: a Theoretical Framework for Comparative Research. *Review of International Political Economy*, vol.30, no.6, pp.2178-2205. Available at: <https://doi.org/10.1080/09692290.2023.2259424> (accessed 13 July 2025).

Humphrey C. (2022) The Legacy MDBs: World Bank and Major Regionals. *Financing the Future: Multilateral Development Banks in the Changing World Order of the 21st Century*

(C. Humphrey) (ed.)). London: Oxford, pp.74-115. Available at: <https://doi.org/10.1093/oso/9780192871503.003.0004> (accessed 13 July 2025).

International Monetary Fund (IMF) (2023) *IMF shi shenme?* [What is IMF]. Available at: <https://www.imf.org/zh/About/Factsheets/IMF-at-a-Glance> (accessed 13 July 2025)(in Chinese).

Jang W. (2022) Great power rivalry and hedging: the case of AIIB founding members. *The Chinese Journal of International Politics*, vol.15, no.4, pp.395-421. Available at: <https://doi.org/10.1093/cjip/poac021> (accessed 13 July 2025).

Kapur D. (1998) The IMF: a Cure or a Curse? *Foreign Policy*, no.111, pp.114-129. Available at: https://casi.sas.upenn.edu/sites/default/files/bio/uploads/IMF_Cure_or_Curse.pdf (accessed 13 July 2025).

Katzenstein P. J. (2005) *A World of Regions: Asia and Europe in the American Imperium*, Ithaca: Cornell University Press. Available at: <https://www.cornellpress.cornell.edu/book/9781501700378/a-world-of-regions/#bookTabs=1> (accessed 13 July 2025).

Keohane R.O. (1989) Neoliberal Institutionalism: A Perspective on World Politics. *International Institutions and State Power: Essays in International Relations Theory* (R.O. Keohane (ed.)). New York: Routledge, pp.3-4. Available at: <https://doi.org/10.4324/9780429032967> (accessed 13 July 2025).

Keohane R.O., Victor D. (2011) The Regime Complex for Climate Change. *Perspectives on politics*, vol.9, no.1, pp.7-23. Available at: <https://doi.org/10.1017/S1537592710004068> (accessed 13 July 2025).

Krasner S.D (1983) *International Regimes*. Ithaca: Cornell University Press. Available at: <https://www.cornellpress.cornell.edu/book/9780801492501/international-regimes/#bookTabs=1> (accessed 13 July 2025).

Li W., Wu N. (2019) Dong ya jin rong di qu zhu yi de zhi du sheng ji – cong 10+3 dui hua dao AMRO [Institutional Upgrading of East Asian Financial Regionalism: From “10+3” Dialogue to “AMRO”]. *World Politics Studies*, no. 2, pp.79-124. Available at: <http://sis.ruc.edu.cn/upload/editor/1/1616468237210.pdf> (accessed 13 July 2025)(in Chinese).

Lu M.L. (2014) Jin rong qu yu zhu yi de xing qi he fa zhan [The Rise and Development of Financial Regionalism]. *International Review*, no.6, pp.131-142 (accessed 10 July 2025)(in Chinese). ■

Luo H., Yang L.Z. (2022) Guo ji zu zhi zhong de quan li ge ju ping jia: yi shi jie yin hang, ya kai hang he ya tou hang de bi jiao wei li [Power Structure Evaluation of International Organizations: A Comparative Analysis of the World Bank, the Asian Development Bank and the Asian Infrastructure Investment Bank]. *World Economics and Politics*, no.11, pp. 29-63. Available at: <http://ejournaliwe.cssn.cn/qkjj/sjjyzz/sjz2211/202212/P020221226429946566970.pdf> (accessed 13 July 2025)(in Chinese).

Malkin A., Bessma M. (2011) Emerging Powers and IMF Reform: Where Multipolarity in the World Economy is Leading the Fund. *St Antony's International Review*, vol.7, no.1, pp.61-78. Available at: <https://www.jstor.org/stable/26227187> (accessed 13 July 2025).

McCawley P. (2017) *Banking on the Future of Asia and the Pacific: 50 Years of the Asian Development Bank*. Manila: Asian Development Bank. Available at: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/235061/adb-history-book-second-edition.pdf>. (accessed July 14 2025).

McKay J., Volz U. (2010) Rivals or Allies? Regional Financing Arrangements and the IMF. *Regional and Global Liquidity Arrangements* (U. Volz, A. Caliari (eds.)). Bonn: Deutsches Institut für Entwicklungspolitik (DIE), pp.28-31. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2136516> (accessed 13 July 2025).

Ocampo J.A., Ortega V. (2022) The Global Development Banks' Architecture. *Review of Political Economy*, vol.34, no.2, pp.224-248. Available at: <https://doi.org/10.1080/09538259.2021.1977543> (accessed 13 July 2025).

Pang X., He Y.K. (2015) Ba quan yu zhi du: mei guo ru he cao kong di qu kai fa yin hang [Power Versus Institution: How Does the United States Manipulate and Control Regional Development Banks?]. *World Economics and Politics*, no.9, pp.4-30. Available at: <http://ejournaliwepe.cssn.cn/qkjj/sjjjyzz/2015nd9q/201509/P020180607669691786131.pdf> (accessed 13 July 2025)(in Chinese).

Perlez J. (2015) China creates a World Bank of its own, and the US balks. *The New York Times*, December 4. Available at: <https://www.nytimes.com/2015/12/05/business/international/china-creates-an-asian-bank-as-the-us-stands-aloof.html> (accessed 13 July 2025).

Pratt T. (2018) Deference and Hierarchy in International Regime Complexes. *International Organization*, vol.72, no.3, pp.561-590. Available at: <https://doi.org/10.1017/S0020818318000164> (accessed 13 July 2025).

Qian J., Vreeland J.R., Zhao J.Z. (2023) The Impact of China's AIIB on the World Bank. *International Organization*, vol.77, no.1, pp. 217-237. Available at: <https://doi.org/10.1017/S0020818322000327> (accessed 13 July 2025).

Raustiala K., Victor D. (2004) The Regime Complex for Plant Genetic Resource. *International Organization*, vol.58, no.2, p.277. Available at: <https://doi.org/10.1017/S0020818304582036> (accessed 13 July 2025).

Ren L., Zhang Z.Y. (2022) Ya tai di qu de zhi du fu za xing fen xi [An Analysis of Regime Complexity in the Asia-Pacific Region]. *Journal of Northeast Asia Studies*, no.6, pp.16-30 (accessed 10 July 2025)(in Chinese).

Ruggie J.G. (1992) Multilateralism: the Anatomy of an Institution. *International organization*, vol.46, no.3, pp.561-598. Available at: <https://scholar.harvard.edu/files/john-ruggie/files/multilateralism.pdf> (accessed 13 July 2025).

Ruggie J.G. (2002) *Constructing the world polity: Essays on international institutionalisation*. Oxford: Routledge. Available at: <https://www.routledge.com/Constructing-the-World-Polity-Essays-on-International-Institutionalisation/Ruggie/p/book/9780415099912?srsltid=AfmBOoqzWhL8uHWWal716OoEnbHacZHXWJXknOOLNsW37mQirjRnZzVi> (accessed 13 July 2025).

Runde D.F., Hardman A. (2024) Great Power Competition in the Multilateral System. *Center for Strategic and International Studies (CSIS)*, October 23. Available at: <https://www.csis.org/analysis/great-power-competition-multilateral-system> (accessed 13 July 2025).

Shields S. (2020) The EBRD, fail forward neoliberalism and the construction of the European periphery. *The Economic and Labour Relations Review*, vol.31, no.2, p.233. Available at: <https://doi.org/10.1177/1035304620916652> (accessed 13 July 2025).

Song Y.M. (2021) Zhi du jing zheng yu guo ji zhi du de deng ji zhi [Institution Competition and Hierarchy of International Institutions]. *World Economics and Politics*, no.4, pp.33-60. Available at: <http://ejournaliwep.cssn.cn/qkjj/sjjyzz/sjz214/202104/P020210427550706790003.pdf> (accessed 13 July 2025)(in Chinese).

Stokke O.S. (2001) The Interplay of International Regimes: Putting Effectiveness Theory to Work. *FNI report*, no.14. Available at: <https://www.files.ethz.ch/isn/100208/01-14-oss.pdf> (accessed 13 July 2025).

Su X.Q. (2018) Ou zhou huo bi ji jin zu zhi: qian zhan yu jie jian [European Monetary Fund: Prospect and Reference]. *South China Finance*, no.7, pp. 66-72 (accessed 10 July 2025)(in Chinese).

Wainaina B.N. (2025) Regional Development Banks in the Broader Multilateral Development Bank Reforms. *WIDER Background Note /10*. UNU-WIDER. Available at: <https://doi.org/10.35188/UNU-WIDER/GDDI3581> (accessed 13 July 2025).

Wang M.G.(2012) Ji zhi fu za xing ji qi dui guo ji he zuo de ying xiang [Institutional Complexity and its Impact on International Cooperation]. *Foreign Affairs Review*, vol.29, no.3, pp.144-155.

Watt N., Lewis P., Branigan T. (2015) US anger at Britain joining Chinese-led investment bank AIIB. *The Guardian*, March 13. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2015/mar/13/white-house-pointedly-asks-uk-to-use-its-voice-as-part-of-chinese-led-bank> (accessed 13 July 2025).

World Bank (2020) *2020 Shareholding Review: Report to Governors at the Annual Meetings. Development Committee Report DC2020-0009*. October 16. Available at: <https://www.devcommittee.org/content/dam/sites/devcommittee/doc/documents/mgr/Final%20DC2020-0009%20Shareholding.pdf> (accessed 13 July 2025).

Wu L. (2020) Di qu ba quan de zhi du hu chi yu yin du de nan meng zheng ce [The Institutional Maintenance of Regional Hegemony and India's SAARC Policy]. *World Economics and Politics*, no.12, pp.52-76. Available at: <http://ejournaliwep.cssn.cn/qkjj/sjjyzz/sjz202012/202101/P020210107564245145071.pdf> (accessed 13 July 2025)(in Chinese).

Xie S.Q. (2012) ECB, EIB he EBRD zhi bi jiao yan jiu [A Comparative Study of the ECB, EIB, and EBRD]. *Finance and Economy*, no.6, pp. 33-36 (accessed 10 July 2025)(in Chinese).

Xie S.Q., Huang Z.H. (2022) Dang dai guo ji huo bi ji jin zu zhi de gai ge [The Reforms of the Contemporary International Monetary Fund]. *Macroeconomics*, no.2, 167-175 (accessed 10 July 2025)(in Chinese).

Young O. (2006) Vertical Interplay among Scale-dependent Environmental and Resource Regimes. *Ecology and society*, vol.11, no.1, p.27. Available at: <https://www.jstor.org/stable/26267811> (accessed 13 July 2025).

Zhu J.J. (2021) Jin zhuan guo jia xin kai fa yin hang de zhi du chuang xin yu fa zhan qian jing [Institutional Innovation and Development Prospects of the New Development Bank]. *Contemporary World*, no.10, pp. 21-25. Available at: https://sirpa.fudan.edu.cn/_upload/article/files/8c/31/af99150c4915b41b4c763186392a/1a909a57-62bd-449f-b00b-45feac78fc80.pdf (accessed 13 July 2025)(in Chinese).

Zhu J.J., Ai M. (2017) “Yu dui shou he zuo”: Zhong guo yu shi jie yin hang zai chou jian ya tou hang zhong de he zuo [Collaborating with “Adversaries”: China’s Cooperation with the World Bank in Establishing the Asian Infrastructure Investment Bank]. *Fudan International Studies Review*, no.1, pp.52-67. Available at: https://sirpa.fudan.edu.cn/_upload/article/files/3c/e1/850a31cc4133a917f9ced25356cc/052f78d4-8ce4-41e2-bb6d-9921f4c90969.pdf (accessed 13 July 2025)(in Chinese).

International Organisations Research Journal, 2025, vol. 20, no 3, pp.

Original Article

JEL: F55

doi:10.17323/1996-7845-2025-03-01

Vertical Interplay between Global and Regional Institutions: Multi-Level Needs and Power Heterogeneity under Bretton Woods Institution⁸

J. Chen

Jingwen Chen - PhD Candidate, School of International Studies, Peking University, Yanyuan Street, Haidian District, Beijing, China. 100871; chenjingwen@stu.pku.edu.cn

Abstract

As globalization advances, driven by shared goals of development and crisis management, regions have evolved to create new institutions that address the demands of economic governance within the Bretton Woods institutions. This paper focuses on the asymmetry between the regional and global institutions and the governance boundaries of each, exploring the intricate interconnections between regional and global institutions such as competitive cooperation, complementary cooperation, decoupled competition, and hierarchical institutions. The heterogeneity of power configurations within global governance bodies, coupled with variations in multi-level needs among global governance, collectively contribute to the intricate vertical complexity of institutional dynamics. The article specifically examines the hierarchical, competitive-cooperative, and cooperative relationships among institutions like the Asian Development Bank, Asian Infrastructure Investment Bank, European Bank for Reconstruction and Development, and the World Bank. Additionally, the study identifies the wobble nature of European-global institutional cooperation and the decoupling trend in Asian institutions within the International Monetary Fund framework. In practice, the United States, motivated by its pursuit of hegemony, engaged in geopolitical competition, while emerging market nations sought to establish a new global political-economic order. These interactions inherently shaped the development of global governance and its equilibrium interaction with regionalism. This article

⁸ This article was submitted 26.09.2024

contributes to understanding the aforementioned complex reality and inspires solutions for global-regional governance.

Key words: Global Economic Governance; Institutional Complexity; Hierarchical Institutions; Regionalization; Power Heterogeneity; Bretton Woods System

Acknowledgments: The author wish to express her thanks to the anonymous reviewers for their valuable comments in the earlier version of this paper. The author declares that she have no known competing financial interests or personal relationships that could have appeared to influence the work reported in this paper.

For citation: Chen J. (2025) Vertical Interplay between Global and Regional Institutions: Multi-Level Needs and Power Heterogeneity under Bretton Woods Institution. *International Organisations Research Journal*, vol. 20 , no 3, pp. (in English). doi:10.17323/1996-7845-2025-03-01